

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ЧАЧ Елена Андреевна

**ОРИЕНТАЛИЗМ В ОБЩЕСТВЕННОМ
И ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2012

Работа выполнена на кафедре истории западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

РУДЕНКО Юрий Константинович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (СПб)

ПЛАТОНОВА Надежда Игоревна

кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения истории России исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

РЯБОВА Людмила Константиновна

Ведущая организация: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Защита состоится «____» _____ 2012 г. в «____» часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5, ауд. 70.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета по адресу: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9.

Автореферат разослан «____» _____ 2012 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

А. В. Петров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Несмотря на повышенный научный интерес к эпохе Серебряного века, в настоящее время раскрыты лишь отдельные аспекты проблемы ориентализма. Нет ни одной работы, в которой ориентализм Серебряного века был бы представлен как комплекс явлений общественной и художественной жизни, культурных практик и идеологических установок и соотнесен с широким общественно-политическим контекстом эпохи. Нет даже подробного анализа самого понятия «Восток», существовавшего в данный период. И если увлечение Востоком высших слоев общества достаточно известно, то даже по отношению к классическому «ориентальному» – ближневосточному – пространству не выяснено, насколько транслировался ориентализм простому народу (т. е. не определена нижняя «социальная граница» ориентализма) и можно ли соотнести этот «широкий» вариант ориентализма с отношением к Востоку в культурном пространстве Серебряного века. Также в числе малоисследованных проблем – путешествия на Восток русских интеллектуалов Серебряного века как отражение ориенталистских тенденций эпохи и влияние этих поездок на образ Востока и путешественника по Востоку в русском общественном и художественном сознании.

В современной гуманитарной науке понятие «ориентализм» означает не только востоковедение и увлечение Востоком в художественной культуре, но и различение «Востока» и «Запада», необходимое Западу для культурного конструирования Востока и обретения власти над ним (основой для такого подхода стала концепция «ориентализм» американского ученого Э. В. Саида), однако не решен вопрос о применении понятия «ориентализм» в данной трактовке к русским общественным и культурным явлениям.

Все это свидетельствует о необходимости исторического исследования ориентализма в общественном и художественном сознании Серебряного века. Такое исследование выводит на проблемы культурной специфики времени, русской ментальности и роли субъективного фактора в истории, способствует разработке широкой тематики, связанной с историей развития Российской империи.

Хронологические рамки работы: начало 1890-х гг. – 1914 г.

Нижняя граница определена в соответствии с принятыми в научной литературе датировками начала Серебряного века¹. Рассмотрение Серебряного века как сложного явления общественного и художественного сознания не позволяет конкретизировать его нижнюю границу с точностью до года.

Верхняя граница совпадает с началом Первой мировой войны. Культурное пространство Серебряного века продолжало существовать и позднее, однако образ Востока в русском обществе и отношение к нему претерпели значительные изменения. Они были связаны с резким сокращением количества доступных для путешествий восточных земель, необходимой корректировкой интересов России на Востоке, политической пропагандой военного времени и самой ситуацией войны, изменившей объекты наиболее пристального внимания и повлиявшей на ценностные ориентиры в сознании русского общества. Восточная тема в литературе и публицистике обрела новое национальное звучание.

¹ См., напр.: Крейд В. Встречи с серебряным веком // Воспоминания о серебряном веке. М., 1993. С. 7; Эткнд Е. Г. Единство «серебряного века» // Звезда. 1989. № 12. С. 186.

Объектом исследования является общественное и художественное сознание Серебряного века, **предметом** – понятия «Восток» и «Азия», характеристики этих понятий и отдельных «восточных» народов в энциклопедических изданиях, периодике, литературных памятниках и других письменных источниках; образ ориентального в книжных и журнальных иллюстрациях; представление христианского Востока в фотоисточниках; выставки и театральные постановки, связанные с Востоком; увлечение восточными религиями и Восток в русской религиозной философии; восточные путешествия А. Белого, К. Д. Бальмонта, И. А. Гриневской, Н. С. Гумилева, А. К. Булатовича, В. К. Арсеньева, Восток в творчестве названных авторов и в рассчитанных на широкого читателя текстах Н. М. Пржевальского и С. Ф. Ольденбурга, а также образ путешественника по Востоку в России конца XIX – начала XX вв.

Понятие «Восток» в диссертационном исследовании является культурологическим и объединяет территории, которым придавался «восточный» колорит. Под термином «ориентализм» понимается увлечение Востоком, однако специальное внимание уделено проблеме возможности применения к явлениям Серебряного века теоретико-методологических разработок Э. В. Саида.

Современные исследователи истории русской литературы замечают, что Серебряный век – сущностное понятие, образ мышления². Понимание Серебряного века не как набора литературно-художественных течений, а как особого стиля мысли и поведения, определенной творческой позиции и специфического мировосприятия, лежащее в основе диссертационного исследования, позволяет говорить не только о художественном, но и об общественном сознании этой эпохи.

Цель диссертационного исследования – определение общего характера ориентализма Серебряного века как явления общественного и художественного сознания, а также типичности и уникальности его отдельных элементов в широком общественно-политическом контексте.

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**:

- дать общую краткую характеристику ориентальному пространству Серебряного века с учетом общественно-политического контекста;
- проанализировать «Восток» (как совокупность «восточного») в его развитии на уровне понятий и определений, существовавших в данный период (на материале энциклопедических изданий, вышедших в России в конце XIX – начале XX вв.);
- установить нижнюю «социальную границу» феномена «ориентализации» ближневосточного пространства через выявление основных черт христианского Востока в русских изданиях для народа;
- исследовать путешествия по Востоку русских интеллектуалов Серебряного века как выражение общественной и художественной жизни эпохи, их влияние на творчество самих путешественников, а также образ путешественника по Востоку в русском сознании конца XIX – начала XX вв.;

² Бавин С., Семibrатова И. Судьбы поэтов Серебряного века: Библиографические очерки. М., 1993. С. 3; Верещагина Е. Н. Поэзия Арсения Тарковского в контексте традиций Серебряного века: Дисс. ... канд. филол. наук. Вологда, 2005. С. 20.

- определить, насколько рассмотренные проявления ориентализма свидетельствуют о близости России к европейскому пониманию Востока, а насколько – о его особой «русской» линии репрезентации;
- выяснить, в какой мере возможна трактовка исследуемых явлений в русле концепции Э. В. Саида.

Методологическая основа исследования определяется принципами историзма, объективности и системности научного анализа. Исследование ориентализма Серебряного века соприкасается с научными разработками в области истории идей; используемый эвристический инструментарий включает в себя такие методы исторического исследования, как сравнительно-исторический, историко-генетический, историко-типологический, историко-системный и историко-биографический, а также комплексный источниковедческий анализ источников, приемы которого основаны на выводах о задачах и сущности критики исторических источников, содержащихся в ряде трудов по источниковедению³. То, что проблема ориентализма находится на стыке самых различных отраслей гуманитарного знания, придает работе междисциплинарный характер и приводит, в частности, к использованию отдельных приемов и методов литературоведческого анализа.

Научная новизна работы определяется тем, что в ней впервые проведено историческое исследование различных проявлений ориентализма Серебряного века в их взаимосвязи, при этом Серебряный век рассматривается как сложный феномен, черты которого обнаруживаются в самых разнообразных явлениях общественного и художественного сознания, а в рамках решения проблемы ориентализма ставятся вопросы, связанные с разработкой и апробацией новейших теорий и методов в области интеллектуальной истории, истории идей и новой имперской истории. Значительная часть материала, привлеченная для достижения поставленных задач, ранее никогда не использовалась не только в научных работах, посвященных подобным проблемам, но и вообще в исследованиях истории и культуры России конца XIX – начала XX вв. Впервые введен в научный оборот ряд неопубликованных архивных материалов (главным образом, связанных с поездкой по Востоку А. Белого и деятельностью И. А. Гриневской).

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в преподавательской работе при подготовке общих и специальных курсов по истории России конца XIX – начала XX вв. и истории русской культуры, написании биографий отдельных общественных и культурных деятелей этой эпохи, а также в научных и научно-популярных работах, посвященных вопросам, связанным с проблемами культуры и идейного наследия Серебряного века, российской геополитики, истории развития понятия «Восток» и образа «восточного», истории русской литературы, путешествий на Восток в конце XIX – начале XX вв. и в целом истории российского общества указанного периода.

Исследование основывается на обширной **источниковой базе**:

архивные источники: материалы фонда А. Белого (Ф. 60) в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки; архива И. А. Гриневской (Ф. 55) и коллекции

³ Пушкарев Л. Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975; Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: Учеб. пособие / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. М., 1998; Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. М., 2006 и др.

П. Н. Лукницкого (Ф. 754) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии Наук; архива Санкт-Петербургского цензурного комитета (Ф. 777), фонда Канцелярии Правительствующего Синода (Ф. 796), архива Канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода (Ф. 797) и личного архива Кривошеина Александра Васильевича (Ф. 1571) в Российском государственном историческом архиве; фонда русских лубочных картинок и фонда открыток в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки, а также материалы из фондов «Православие. Изобразительное искусство: Живопись» и «Православие. Изобразительное искусство: Графика» Государственного музея истории религии;

опубликованные письменные источники: литературно-художественные материалы, источники личного происхождения, научные и научно-популярные тексты, энциклопедические издания периода Серебряного века, справочные издания, материалы периодики, публицистика, делопроизводственная документация;

опубликованные фотографические и изобразительные источники.

Апробация работы. По теме диссертационного исследования были сделаны доклады на международных конференциях: Шестых и Седьмых Торчиновских чтениях (СПб., 2010 и 2011), Международной научной конференции «Ориентализм / Оксидентализм: языки культур и языки их описания». (Москва, 2010); а также на Межвузовской научной конференции «История и культура» (СПб., 2011).

По теме диссертационного исследования опубликовано 8 научных статей, общим объемом 5,85 п. л., из них три – в ведущих рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории западноевропейской и русской культуры исторического университета Санкт-Петербургского государственного университета.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и условных обозначений.

Во **Введении** обоснована актуальность темы, определены объект, предмет, хронологические рамки исследования, основные цели и задачи, методологическая основа, научная новизна и практическая значимость исследования, кратко охарактеризованы историография проблемы, источниковая база и структура работы.

Первая глава «Проблема ориентализма Серебряного века и ее освещение в гуманитарной научной мысли» состоит из трех разделов и представляет собой необходимые для всего последующего исследования анализ современного понимания термина «ориентализм», обзор «восточного» контекста Серебряного века и историографию проблемы.

Понятие «ориентализм» в современных исследованиях русской истории и культуры трактуется в трех основных вариантах. Классическое понимание термина отражают его интерпретации как востоковедения и увлечения Востоком в искусстве⁴. Американским ученым Э. В. Саидом было введено понятие «ориентализм»

⁴ Классическое востоковедение и классический ориентализм. М., 2003; *Ди Руокко А.* Буддийские реминисценции в изобразительном русском искусстве первого тридцатилетия XX века. Н. Рерих, «Амаравелла», Н. Кульбин, М. Матюшин, Е. Гуро: Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005; *Данильченко Г. Д.* Романтический ориентализм в русской литературе первой половины XIX

как отношение Европы к Востоку, основанное на различии «Востока» и «Запада»⁵. Концепция Саида, выстроенная на основе теории взаимосвязи власти и знания М. Фуко и понятия гегемонии марксиста А. Грамши, представляет ориентализм как способ мышления, способ описания и западный стиль подчинения, необходимые Западу как для доминирования над Востоком, так и для формирования собственной идентичности через противопоставление себя «восточному». Хотя многие исследователи не приняли основные положения Саида, его концепция оказала влияние на дальнейшее развитие подхода к проблеме «Восток-Запад». Однако в ней ничего не сказано о России, положение которой в контексте вопроса об ориентализме в его саидовской трактовке оказывается неоднозначным.

Обзор дискуссии о «русском ориентализме» в журналах «Kritika» и «Ab Imperio»⁶ свидетельствует о незавершенности решения проблемы применения понятия «ориентализм» в русском контексте. Однако ряд ученых свободно применяет это понятие в исследованиях русской истории и культуры⁷. Так, историк А. В. Ремнев, исследуя взаимоотношение Российской империи с казахским народом⁸, развитие образа Дальнего Востока и связанного с ним понятия «желтая опасность»⁹, а также взаимодействие политиков, ученых, журналистов и философов в формировании этого образа¹⁰, показывает, что наука о Востоке развивалась в России в соответствии с имперскими потребностями, а для описания отношения к восточному в русском контексте вполне применим дискурс «знания-власти» М. Фуко.

Терминологическая недоговоренность, противоположное отношение ученых к концепции Саида, отсутствие единства в вопросе о возможности использования этой концепции при анализе русских историко-культурных явлений и немногочисленность работ, посвященных данному вопросу, заостряют методологическую и научно-теоретическую значимость исследования проблемы ориентализма в русской истории и истории русской культуры.

века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2000; *Кутейникова И.* Художественная история русского ориентализма // Третьяковская галерея. 2010. № 4. С. 65-73 и др.

⁵ *Said E. W.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; *Said E. W.* Orientalism. New York, 1978; *Said E. W.* Culture and Imperialism. New York., 1993.

⁶ *Ex Tempore: Orientalism and Russia // Kritika.* 2000. Vol. I. № 4. Pp. 691-727 (русский перевод см.: Российская империя в современной зарубежной литературе: Антология. М., 2005. С. 311-359); *Ab Imperio.* 2002. № 1. С. 239-322.

⁷ *Бобровников В. О.* Ориентализм в литературе и политике на Северном Кавказе // Азиатская Россия: Люди и структуры империи: Сб. ст. К 50-летию со дня рождения профессора А. В. Ремнева. Омск, 2005. С. 23-42; *Ремнев А. В.* «Крест и меч»: Владимир Соловьев и Вильгельм II в контексте российского имперского ориентализма // Европа: Международный альманах. Тюмень, 2004. Вып. IV. С. 56-78; *Ремнев А. В.* Россия движется на Восток: «Знание-власть» и возможности ориенталистского дискурса в имперской истории России // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток, 2004. С. 240-256; *Сухих О. Е.* Образ казахов-кочевников в записках русского администратора // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: Международный Евразийский форум (III научная конференция): Тезисы докладов и сообщений. Омск, 2003. С. 93-94 и др.

⁸ См., напр.: *Ремнев А. В.* Колониальность, постколониальность и «историческая политика» в современном Казахстане // *Ab Imperio.* 2011. № 1. С. 169-205.

⁹ См., напр.: *Ремнев А. В.* 1) «Крест и меч»; 2) Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков: Монография. Омск, 2004. С. 319-357.

¹⁰ См., напр.: *Ремнев А. В.* «Крест и меч».

Применительно к Серебряному веку такое исследование оказывается крайне сложным в связи с многообразным **«восточным» контекстом** эпохи: Восток в общественно-политической и религиозно-философской мысли, общее увлечение «восточным» в литературе и искусстве Серебряного века, Восток в периодике, восточные выставки и путешествия, влияние на формирование образа Востока в русском сознании западной приключенческой литературы и внешнеполитических событий.

В период Серебряного века Восток пронизывал все сферы художественной деятельности, активное знакомство с ним происходило в различных слоях образованного русского общества. Наибольшее внимание было привлечено к Дальнему Востоку, при этом отношение к нему оказывается сложным и противоречивым. Так, наряду с увлечением буддизмом (идеи буддизма в их переработанной – теософской – форме оказывали огромное влияние на культуру Серебряного века), а также китайским и японским искусством, бытовала идея «желтой» опасности, и образ того же Будды мог быть представлен как угроза европейскому христианскому человечеству¹¹. Интерес к буддизму сопровождался вниманием не только к дальневосточным, но и к индийским, тибетским, сиамским образам.

Также в Серебряном веке можно наблюдать и «декадентский» Египет, и традиционный ближневосточный ориентализм, и среднеазиатские образы, и сочувствие «дружественной» «единоверной» Абиссинии, и тему «первобытного дикаря». А вопрос о родстве с Востоком приводит к отказу от европоцентризма, призывам возглавить Восток в борьбе с «бездуховным» Западом, идеям об осуществлении наследия Византии и превращении России в мировую восточно-западную империю.

Таким образом, несмотря на сильное влияние на русское сознание ориенталистских концепций, проникавших в Россию, в частности, через приключенческие романы западных авторов и через выдержки из европейской периодики, отношение к Востоку имело свою, чисто русскую специфику. Причиной было «срединное» положение России между Востоком и Западом. И в геополитике России с колониалистскими идеями Запада сочетались идеи «византийского наследия» и освоения Востока под знаменем «Белого царя»¹².

Обширное «ориентальное» пространство Серебряного века предопределяет и широту его **научных исследований**.

Значительный научный интерес к Востоку в культуре Серебряного века существует с 1990-х гг. Ранее также появлялись отдельные исследования¹³, связанные с этой темой (кроме того, выходили работы о В. К. Арсеньеве и А. К. Булатовиче,

¹¹ См., напр.: Ремнев А. В. «Крест и меч». С. 66-67; Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией. М., 2009. С. 151-153.

¹² Филиппова Т. В царстве «Белого царя». Методы стабилизации поздней империи // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. К 60-летию профессора Вада Харуки. М., 2001. С. 174-186.

¹³ Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе (дооктябрьский период). М., 1973; Григорян В. С. Восток в творчестве В. Брюсова: Дис. ... канд. филол. наук. Ереван, 1981; Лоциц Ю., Турбин В. Тема Востока в творчестве Велимира Хлебникова // Народы Азии и Африки. 1966. № 9. С. 249-252; Тартаковский П. И. Русские поэты и Восток: Бунин. Хлебников. Есенин: Сб. ст. Ташкент, 1986 и др.

содержащие ряд ценных сведений¹⁴), однако в советский период основная часть архивных материалов, имеющих отношение к концу XIX – началу XX вв., была закрыта, был закрыт и доступ к творчеству многих деятелей культуры Серебряного века, а само понятие «Серебряный век» как таковое в научной литературе не существовало. Но уже в конце советского периода появляются публикации, важные для рассматриваемой проблемы¹⁵.

Современные исторические (в том числе – востоковедно-исторические, историко-биографические, историко-культурные и историко-политологические) исследования включают:

1) Работы, посвященные проблеме взаимоотношений России со странами Востока, где рассмотрен и образ этих восточных территорий в русском обществе конца XIX – начала XX вв. Это серия статей в сборнике «История России: Россия и Восток»¹⁶ (особый интерес для вопроса об ориентализме в общественном и художественном сознании Серебряного века представляют статьи Б. Н. Мельниченко, Н. А. Самойлова, а также коллективная статья Н. Ю. Крайнюк, Н. А. Самойлова и А. В. Филиппова¹⁷) и работы историка Н. В. Малыгиной, раскрывающие тему культурных и дипломатических связей России и Эфиопии в конце XIX – начале XX вв.¹⁸ (в частности, на основе многочисленных архивных и опубликованных материалов подробно рассмотрена деятельность русских в Эфиопии, в том числе А. К. Булатовича и Н. С. Гумилева¹⁹).

2) Исследования, целиком посвященные существовавшему в русском общественном сознании и русской культуре образу Востока (или каких-либо отдельных восточных государств, народов, событий, связанных с Востоком).

Так, образу Эфиопии в российском общественном сознании в конце XIX – начале XX в. посвящены работы С. А. Агуреева²⁰ и А. А. Михайлова²¹. В фундамен-

¹⁴ Канцельсон И. С. А. К. Булатович – гусар, землепроходец, схимник // Булатович А. К. С войсками Менелика II. М., 1971. С. 3-31; Жанровые и художественные особенности книг В. К. Арсеньева // Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 2: Советский период. Новосибирск, 1982. С. 166-172; Тарасова А. И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. М., 1985 и др.

¹⁵ Лукницкая В. К. Николай Гумилев: Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990; Неизвестные письма Н. С. Гумилева (Публикация Р. Д. Тименчика) // Известия Академии Наук СССР. Сер. литературы и языка. М., 1987. № 1. С. 50-78; Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников. Л., 1991; Путешествие на Восток: Письма Андрея Белого // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 143-177; Азадовский К. М., Дьяконова Е. М. Бальмонт и Япония. М., 1991.

¹⁶ История России: Россия и Восток. СПб., 2002.

¹⁷ Крайнюк Н. Ю., Самойлов Н. А., Филиппов А. В. Россия и Япония // История России... С. 690-733; Мельниченко Б. Н. Россия и Сиам (Таиланд) // Там же. С. 640-662; Самойлов Н. А. Россия и Китай // Там же. С. 502-574.

¹⁸ Малыгина Н. В.: 1) Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX веков: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владимир, 2004; 2) Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи в конце XIX – начале XX веков: Монография. Владимир, 2005; 3) Путешествия Н. С. Гумилева в Эфиопию: исторический контекст // Гумилевские чтения: Материалы междунар. науч. конф. СПб., 2006. С. 58-65.

¹⁹ Малыгина Н. В.: 1) Российско-эфиопские дипломатические и культурные связи ... : Монография. С. 75-77, 87-89, 96-98, 133-139; 2) Путешествия Н. С. Гумилева в Эфиопию.

²⁰ Агуреев С. А.: 1) Эфиопия в оценке общественного мнения в конце XIX – начале XX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2006; 2) Эфиопия в отражении общественного мнения в конце XIX – начале XX в.: Монография. М., 2011.

тальном исследовании Агуреева, среди прочего, на материале различных периодических изданий рассмотрен процесс создания в русском общественном сознании идеализированного и романтизированного образа Эфиопии и формирования толерантного и доброжелательного отношения к этой стране, указаны и политико-экономические причины роста и последующего спада интереса к Эфиопии; в статье А. А. Михайлова разобраны отдельные моменты российско-эфиопских контактов и их отражение в русской культуре.

Особое внимание в ряде исторических трудов уделено образу Дальнего Востока, в основном – Китая и Японии, что соответствует тому значимому месту, которое отводилось этим странам в российской внешней политике конца XIX - начала XX в. Так, в работах А. В. Лукина проанализирована эволюция представления о Китае в России²², а в статьях Д. Уэллса и А. Джонса внимание сосредоточено на откликах, вызванных событиями русско-японской войны в русском обществе и русской литературе²³.

Образу Востока и отношению к нему в русском обществе посвящены работы С. М. Усманова²⁴, которого, однако, интересует в первую очередь политический аспект, оценки политических событий, связанных с Востоком, место Востока в публицистических заявлениях и идеологических построениях.

3) Работы, раскрывающие роль Востока в жизни и творчестве отдельных общественных и культурных деятелей.

Среди таких работ следует отметить детальное исследование темы Востока, Запада и положения России по отношению к ним в творчестве русского философа Владимира Соловьева В. В. Сербиненко²⁵; исследование жизни и творчества В. К. Арсеньева, проведенное А. А. Хисамутдиновым²⁶; историко-биографические работы А. Б. Давидсона, раскрывающие тему Африки в жизни и творчестве Н. С. Гумилева и содержащие характеристику отношений между Абиссинией и Российской империей²⁷. Жизни и творчеству Н. С. Гумилева посвящены также монографии В. В. Бронгулеева²⁸ и В. И. Шубинского²⁹, снабженные многочислен-

²¹ Михайлов А. А. «Абиссинский миф» в России конца XIX – начала XX в. // Гумилевские чтения... 2006 г. С. 283-293.

²² Лукин А. В.: 1) Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII - XXI веках. М., 2007; 2) Образ Китая в России (до 1917 года) // Проблемы Дальнего Востока. М., 1998. № 5. С. 131-143.

²³ Jones A. Easts and Wests Befuddled: Russian Intelligentsia Responses to the Russo-Japanese War // The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904-05. London, 1999 (New York, 2002). P. 134-159; Wells D. The Russo-Japanese War in Russian Literature // Ibid. P. 108-133.

²⁴ Усманов С. М.: 1) Безысходные мечтания: Русская интеллигенция между Востоком и Западом во второй половине XIX - начале XX в. Иваново, 1998; 2) Восток в общественно-политическом сознании русской интеллигенции XIX - начала XX веков: Дисс. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2000; 3) Восток в общественно-политическом сознании русской интеллигенции XIX - начала XX веков: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Иваново, 2000.

²⁵ Сербиненко В. В. Владимир Соловьев: Запад, Восток и Россия: Учеб. пособие. М., 1994.

²⁶ Хисамутдинов А. А. Владимир Клавдиевич Арсеньев. 1872-1930. М., 2005.

²⁷ Давидсон А. Б.: 1) Муза Странствий Николая Гумилева. М., 1992; 2) Николай Гумилев в Абиссинии // Новая и Новейшая история. М., 2001. № 6. С. 137-148; 3) Николай Гумилев. Поэт, путешественник, воин. Смоленск, 2001.

²⁸ Бронгулеев В. В. Посредине странствия земного: Документальная повесть о жизни и творчестве Н. Гумилева: Годы 1886-1913. М., 1995.

²⁹ Шубинский В. И. Николай Гумилев: Жизнь поэта. СПб., 2004. 736 с.

ными, в том числе не опубликованными ранее, материалами. Кроме того, подробная информация об африканских путешествиях поэта и детальный анализ связанных с ними спорных моментов даны в историко-биографических изысканиях Е. Степанова³⁰. Специального внимания заслуживает первая научная публикация «Трудов и дней Н. С. Гумилева»³¹, в которой материалы П. Н. Лукницкого сопровождаются обширными комментариями специалистов.

4) Новейшие исследования, в которых образ Востока проанализирован в широком геополитическом контексте. Это работы А. В. Ремнева, рассмотренные ранее; статья Б. В. Межуева, где рассмотрены взаимодействие имперской восточной политики и идеологии с идейными поисками начала XX в.³²; работы Д. Схиммельпенника ван дер Ойе³³, в которых представлен подробный анализ отношения к Востоку (главным образом, к Дальнему Востоку) в правительственных кругах и идеологическое обоснование восточного вектора российской политики второй половины XIX – начала XX в. (ученый выделяет четыре основные идеологические и политические линии отношения к Востоку: «конквистадорский империализм» Н. М. Пржевальского, «восточничество» Э. Э. Ухтомского, «*pénétration racifique*» С. Ю. Витте, идею «желтой угрозы» А. Н. Куропаткина), особое внимание Д. Схиммельпенник уделяет явлениям политики, идеологии и дипломатии, приведшим Россию к войне с Японией³⁴.

Вспомогательное значение для вопроса об ориентализме в общественном сознании Серебряного века имеют работы Т. А. Филипповой, В. В. Суворова, В. Л. Цымбурского, А. Каппелера, А. В. Милежика и др.³⁵

В исторических исследованиях центральное место занимает тема Дальнего Востока, что неудивительно, учитывая политические события конца XIX – начала XX вв., при этом образы Китая и Японии в русской культуре обычно рассматриваются в широком политическом и идеологическом контексте.

К Востоку в пространстве Серебряного века обращаются также авторы культурологических и философских работ. Так, в монографии М. С. Кагана и

³⁰ Степанов Е.: 1) Неакадемические комментарии [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly. № 17. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/17/stepanov17.shtml>; 2) Неакадемические комментарии – 2: Вторая Абиссиния. «Дальняя, загадочная Каффа», осень-зима 1910-1911 гг. [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly. № 18. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/18/stepanov18.shtml>; 3) Неакадемические комментарии – 3: Новое о Гумилеве [Электронный ресурс] // Toronto Slavic Quarterly. № 20. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/20/stepanov20.shtml>.

³¹ Лукницкий П. Н. Труды и дни Н. С. Гумилева / ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом). СПб., 2010.

³² Межуев Б. Забытый спор: О некоторых возможных источниках «Скифов» Блока. 29 июля 2004 г. [Электронный ресурс] // Православно-аналитический сайт «Правая.ру». URL: <http://www.pravaya.ru/book/23/742?print=1>.

³³ См., напр.: Схиммельпенник ван дер Ойе Д.: 1) Азиатский соблазн России [Электронный ресурс] // КОСМОПОЛИС. № 2. Зима 2002-2003. URL: <http://www.rami.ru/cosmopolis/archives/2/shimmelpennik.html>; 2) Инцидент в Оцу [Электронный ресурс] // Родина. № 10. 2005 // Сайт «Россия в красках». URL: <http://ricolor.org/rz/iaronia/jr/ist/romanov/1/>; 3) Навстречу Восходящему солнцу.

³⁴ Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу. С. 171-327.

³⁵ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. М., 2000; Милежик А. В. Дальневосточное наместничество (1903-1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007; Суворов В. В. Князь Э. Э. Ухтомский: Жизнь, деятельность, идейное наследие: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011; Филиппова Т. Указ. соч.; Цымбурский В. Дваждырожденная «Евразия» и геостратегические циклы России // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 5-33 и др.

Е. С. Хилтухиной дана подробная характеристика развития проблемы «Запад-Восток» в русской философской и научной мысли³⁶; диссертация О. Б. Пружининой посвящена «индуистско-буддийскому» Востоку в русской религиозной философии³⁷; в диссертации А. У. Чемурзиева рассмотрен Восток в историософских воззрениях В. С. Соловьева³⁸; исследования Т. А. Сениной посвящены имяславью А. К. Булатовича³⁹.

Тема ориентализма Серебряного века широко представлена в литературоведении. Регулярно проходят защиты диссертаций, посвященных образу Востока в творчестве поэтов и писателей Серебряного века⁴⁰, среди которых особую ценность для работы над проблемой ориентализма Серебряного века имеют исследования, где не только рассмотрена ориентальная тематика в творчестве отдельных поэтов, но и дана характеристика «Востока» в русской культуре рубежа XIX-XX вв.⁴¹

Подробное исследование Египта Серебряного века проведено в работах Л. Г. Пановой: детально рассмотрены не только произведения на египетскую тему, но и «египетский контекст» Серебряного века, литературные влияния, поэтические переводы⁴². Л. Г. Панова впервые составила антологию «египетских» стихотворений и проследила развитие египетской тематики, проделав при этом не только литературоведческое, но и культурологическое исследование.

Р. М. Сафиулина исследует ориентализм в произведениях русских поэтов 1910-х гг., рассматривая, главным образом, влияние таджикско-персидской лирики на творчество Н. С. Гумилева, М. А. Кузмина, Г. В. Иванова⁴³. Сафиулина отмечает,

³⁶ Каган М. С., Хилтухина Е. Г. Проблема «Запад-Восток» в культурологии. Взаимодействие художественных культур. М., 1994.

³⁷ Пружинина О. Б. Тема «индуистско-буддийского» Востока в русской религиозной философии XIX – начала XX вв.: Дисс. ... канд. филос. наук. М., 1994.

³⁸ Чемурзиев А. У. Тема Востока в историософских воззрениях В. С. Соловьева: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 2010.

³⁹ Сенина Т. А.: 1) Столкновение Востока и Запада в споре об имяславии в 1910-х годах // Человек как творец и творение культуры: Сб. статей. СПб., 2009. С. 383–389; 2) Проблема усвоения в России византийского культурного наследия в связи с имяславческим спором начала XX века // Вопросы культурологии. 2010. № 10. С. 10–15; 3) Философско-антропологические воззрения А. К. Булатовича в контексте византийской культуры: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. СПб., 2011.

⁴⁰ Хон Ки-Сун. Восточные мотивы в творчестве русских символистов и других поэтов Серебряного века: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 1995; Килганова Г. В. Ориентализм в прозе Бунина: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1996; Сафиулина Р. М. Ориентализм в русском литературном процессе 10-х гг. XX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1997; Концова Е. В. Своеобразие поэтического «Востока» в литературе серебряного века: К. Бальмонт, Н. Гумилев, В. Хлебников: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003; Чебоненко О. С. Восток в художественном сознании И. А. Бунина: Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004; Смольянинова Е. Б. Буддийский восток в творчестве И. А. Бунина: Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2007; Шабашов Д. В. Образ Востока в творчестве Максимилиана Волошина: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007 и др.

⁴¹ См., напр.: Концова Е. В. Указ. соч. С. 32-36; Шабашов Д. В. Указ. соч. С. 17-35.

⁴² Панова Л. Г. Русский Египет. Александрийская поэтика Михаила Кузмина. Кн. I, II. М., 2006; Panova L. Anna Achmatova's «Cleopatra»: A study in self-portraiture // Russian Literature. LXV (2009) IV. Elsevier. С. 507-538.

⁴³ Сафиулина Р. М.: 1) Ориентализм в русском литературном процессе 10-х гг. XX века: Дисс. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1997; 2) Русский модернизм и Восток. Душанбе, 2002.

что ориентализм был основополагающим моментом в формировании модернизма, а в русской литературе XX в. Восток стал излюбленным объектом стилизации⁴⁴.

С 1990-х гг. публикуются работы, в которых анализируется восточная тематика и восточная основа произведений Н. С. Гумилева⁴⁵. Востоку в творчестве Н. С. Гумилева уделено особое внимание в работах Е. Ю. Раскиной, отличающихся оригинальным концептуальным построением научного анализа⁴⁶.

Предметом анализа отношения к Востоку и Западу поэта Андрея Белого почти всегда становились «Петербург» и «Серебряный голубь»⁴⁷, и все еще не существует исследований, в которых тема Востока в творчестве А. Белого была бы осмыслена с точки зрения его концепции двух Востоков, изложенной в письмах из Африки.

К исследованиям Востока в русской культуре рубежа веков нередко обращаются и искусствоведы.

В диссертации И. О. Андроновой проведено исследование стилевых различий интерьеров в «турецком», «арабском», «мавританском» «индо-мавританском» «сарацинском» вкусе, проанализировано развитие стиля «фо-шинуазри», в том числе через сравнение его с появившимся в конце XIX в. «японизмом»⁴⁸. Диссертация А. Ди Руокко о буддийских реминисценциях в изобразительном русском искусстве первого тридцатилетия XX в. выделяется глубоким культурологическим анализом и не столько обозначением явных тем и сюжетов, сколько поиском подспудного влияния буддизма на русское искусство⁴⁹. Неявные японские влияния на русскую художественную графику отражены в диссертации Е. Л. Кураповой⁵⁰.

Тема Востока в театре Серебряного века ограничена анализом восприятия японской традиции в театре В. Мейерхольда и его режиссерских поисков в этом направлении⁵¹; ряд изданий содержит информацию о «восточных» балетах

⁴⁴ Сафиулина Р. М. Ориентализм в русском литературном процессе 10-х гг. XX века. С. 37, 43.

⁴⁵ См., напр.: Слободнюк С. Л. Элементы восточной духовности в поэзии Н. С. Гумилева // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 164-185; Зобнин Ю. В. 1) Н. Гумилев – поэт Православия: монография. СПб., 2000. 384 с.; 2) Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб., 2000. С. 5-52.

⁴⁶ Раскина Е. Ю.: 1) Мифопоэтическое пространство поэзии Н. С. Гумилева: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2000; 2) Культуроним Персии в сакральной географии Н. С. Гумилева // Гумилевские чтения... 2006 г. С. 66-77; 3) Поэтическая география Н. С. Гумилева. М., 2006; 4) Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2009; 5) Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилева. М., 2009.

⁴⁷ Дубова М. А. «Запад-Восток» и Россия в художественном мире Андрея Белого: Романы «Серебряный голубь», «Петербург» и «Москва»: Дисс. ... канд. филол. наук. Коломна, 1999; Эткин А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // НЛЮ. 2003. № 59. С. 104-124.

⁴⁸ Андропова И. О. Восточная тема в русском интерьере второй половины XIX – начала XX века. Опыт реконструкции: Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2008.

⁴⁹ Ди Руокко А. Буддийские реминисценции в изобразительном русском искусстве первого тридцатилетия XX века. Н. Рерих, «Амаравелла», Н. Кульбин, М. Матюшин, Е. Гуро: Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005.

⁵⁰ Курапова Е. Л. Влияние традиционного японского искусства в художественной графике России конца XIX – начала XX вв.: Дисс. ... канд. искусствоведения. СПб., 1998.

⁵¹ Колотова Е. Е. Рецепция восточной театральной традиции на Западе и в России в XX в. // Четвертые Торчиновские чтения. Философия, религия и культура стран Востока: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 617-628; Суворова А. А. Восточный театр и западноевропейский «авангард» // Взаимодействие культуры Востока и Запада: Сб. ст. М., 1987. С. 81-82.

Дягилева⁵². Восток в музыке Серебряного века также почти не изучен (исключение составляет диссертационное исследование Т. В. Тихоновой, в котором, среди прочих сюжетов, рассмотрена дальневосточная линия оперы И. Ф. Стравинского «Соловей»⁵³).

Научные исследования «ориентального» пространства Серебряного века часто имеют комплексный, междисциплинарный характер, во многом объясняющийся синкретизмом Серебряного века, тесной взаимосвязью и взаимопроникновением всех видов искусства в этот период. В исследованиях культуры Серебряного века термин «ориентализм» употребляется, главным образом, как понятие, связанное с увлечением восточной экзотикой. На данный момент проблема ориентализма Серебряного века как увлечения Востоком только частично раскрыта в научно-исследовательской литературе, а вопрос о применении к явлениям культуры этого периода понятия «ориентализм» в интерпретации Э. В. Саида остается открытым. И в целом, Восток Серебряного века как комплексное, разноплановое понятие, явление общественного и художественного сознания, отражающееся не только в произведениях искусства, но и более широко – в разнообразных культурных практиках (путешествиях, дневниках, моментах самопрезентации и т. д.) российской художественной элиты остается недостаточно изученным.

Вторая глава «Понятие “Восток” и границы ориентализма в русском общественном сознании конца XIX – начала XX вв.» состоит из пяти разделов и связана с основной исследования образа Востока в общественном сознании: существовавшими на рубеже веков определениями слов «Восток», «Азия» и различных «восточных» явлений, а также уточнением нижней «социальной границы» ориентализации Ближнего Востока.

Рассмотрение «Востока» в общественном сознании логично начинать с анализа **понятий «Восток» и «Азия»**, представленных в **энциклопедических словарях** братьев Гранат, Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, Ф. Павленкова.

Само слово «Восток» – как требующее определения в этнографическом и страноведческом смысле – впервые появляется в энциклопедических изданиях в 1891 г. и, изначально связанное с Азией, быстро становится сложносоставным, динамично развивающимся самостоятельным понятием. В рассмотренных энциклопедических словарях происходит развитие и уточнение понятий «Восток» и «Азия» (возникает термин «Дальний Восток»), причем даже в издававшихся одновременно разных изданиях не представлено одинакового, согласованного определения. Понятия «восточные народы» и «азиатские народы», «Восток» и «Азия» часто не совпадают, а в словарях Брокгауза и Ефрона можно увидеть развитие понятия «восточные народы» от населения Ближнего Востока до населения всей Азии и Северной Африки. При этом в «Новом энциклопедическом словаре» совершенно определенно сказано о взаимосвязи знания и власти в развитии науки о Востоке и подробно

⁵² *Лифарь С.* Дягилев и с Дягилевым. М., 2005. С. 261-283; *Нестьев И. В.* Дягилев и музыкальный театр XX века. М., 1994. С. 84-97; *Яковлева Е.* Театрально-декорационное искусство Н. К. Рериха. Самара, 1996. С. 34-38 и др.

⁵³ *Тихонова Т. В.* Диалог Восток-Запад в творчестве европейских композиторов первой четверти XX века (музыкально-театральные модели): Дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2003. С. 83-125.

рассмотрено то, как в европейской (и русской) истории востоковедение служило политике⁵⁴.

Характеристики отдельных «незападных» народов в словарях отличаются друг от друга. Однако на «внешнем» для России Востоке можно увидеть: в целом отсталые африканские племена; в меньшей степени, но все-таки еще отсталых турок и китайцев (основная черта китайцев – трудолюбие – способствует созданию опасной конкуренции рабочим в западных странах); «добродушных» и «беззаботных» айнов, чей образ напоминает идеального «первобытного» человека; часто неадекватных, но способных к восприятию европейской цивилизации малайцев; романтический и хищный арабский мир; развитую и прогрессивную Японию. Близки к «восточному» характеристика «первобытных» австралийцев и образ притесняемых индейцев-«краснокожих», известный по приключенческим романам.

Мирное сосуществование России с буддийскими народами (как «внешними», так и «внутренними») приводит к нейтральным характеристикам буддизма, нередко замечания о его положительном влиянии на характер исповедующих его народов, а в рассчитанном на широкие круги читателей словаре братьев Гранат можно увидеть попытку приблизить буддийскую религию к христианству. Совсем иначе обстоит дело с мусульманством, враждебной религией (исповедуемой, в частности, турками). Резкость оценок не сдерживается даже тем фактом, что мусульманами является значительная часть населения Российской империи: они должны знать, сколь несостоятельна их религия и какой на самом деле безнравственный (и просто «истеричный») человек ее основал. Лояльные к европейцам бабиды и бегаиды, стремящиеся сблизиться с «передовыми западными народами», на этом фоне значительно выигрывают.

Описания «восточных» народностей Российской империи различны. Можно выделить «добродушных» и «честных», неспособных к отстаиванию своих интересов инородцев Сибири и Дальнего Востока – гольдов и остяков. Черты горных и степных воинственных народов («хищников») различны, однако обычно подчеркнуты обычаи гостеприимства и кровной мести. Наиболее «цивилизованные» инородцы – татары (казанские, крымские и азербайджанские), в описании их характера выделены трудолюбие и честность. Статьи об инородцах имели непосредственное отношение к русской тематике, и потому обычно были написаны видными русскими учеными-этнографами: составители словарей не могли довольствоваться переводами из иностранных энциклопедических изданий.

Вышедший впервые в 1899 г. «Энциклопедический словарь» издателя Ф. Павленкова, являясь дешевым изданием, обещал стать популярным в широких народных кругах. Будучи предельно кратким, словарь лишен подробных характеристик, однако в нем в качестве азиатских черт названы деспотизм, жестокость, грубость и «глубокий застой»⁵⁵.

Развитие образа «Востока» продолжается в «Большой энциклопедии» (1900-1909) и «Русской энциклопедии» (1911-1915), в которых определение понятия «Восток» не копируется с иностранных изданий, а формулируется с учетом русской

⁵⁴ Бордзинкевич А. И. Востоковедение // Новый энциклопедический словарь: В 48 т. Т. XI. СПб.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, [1913]. Стб. 745-752.

⁵⁵ См., напр.: Азиат // Энциклопедический словарь издателя Ф. Павленкова. СПб., 1899. Стб. 40; Азия // Там же. Стб. 43, 44.

специфики. Так, в «Большой энциклопедии» появляется оригинальная мысль о несостоятельности этого понятия как обозначения «восточных» земель⁵⁶, отмечено, что для России оно не может быть тождественно западноевропейскому и что востоковедение связано с изучением «многих народов, которые объединяются преимущественно тем фактом, что обитают к востоку от Европы»⁵⁷. Но одновременно в статье «Восточный вопрос» можно увидеть и утверждение о наличии «косности» на Востоке, и уверенность в необходимости приобщения Востока к европейской цивилизации, отдающее европоцентризмом, и убежденность в том, что Россия изначально по своей природе является Востоком⁵⁸.

Развитие понимания «Востока» доходит до того, что дихотомия «Запад-Восток» отрицается в 1913 г. в статье «Востоковедение» А. Д. Руднева (в «Русской энциклопедии»). Отрицание принципиального различия между восточными и другими (в том числе – европейскими) народами переводит проблему ориентализма в общественной и научной мысли России начала XX в. на совершенно новый уровень, кардинально отличающийся от общепринятой европейской логики.

Большинство характеристик отдельных восточных народов в «Большой энциклопедии» и «Русской энциклопедии» схоже с представленными в словарях братьев Гранат и Брокгауза и Ефрона, при этом они более развернуты и подробны. Однако «Большая энциклопедия» выделяется замечаниями о негативных последствиях усвоения европейской цивилизации как Африкой, так и Японией, утверждениями о достаточно высоком уровне духовных способностей австралийцев и описанием свойств характера индийских племен.

При рассмотрении модели «восточной» части мира в «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний» (1910-1912) в центре внимания оказывается шестой, антрополого-географический том. Здесь Восток отражен достаточно полно как в тексте, так и в иллюстрациях, где внимание акцентировано на природе Востока и типах внешности его жителей. Образ «восточных» инородцев Российской империи, в целом, достаточно однороден – они добродушно-веселы (за исключением чукчей и кавказских горцев), гостеприимны и стоят на низкой ступени культуры. Весь «внешний» Восток выстроен по принципу его «культурности» и «цивилизованности», поэтому с восхищением подчеркнута быстрое развитие Японии, нет сожаления относительно вымирания австралийцев и индейцев, а современные Австралия и Северная Америка уже являются Западом, а не Востоком. Европоцентризм в сочетании с теорией прогресса исключают романтизацию «отсталого» Востока, и даже более развитые восточные страны (кроме Японии) «отстают» по сравнению с Западом, поэтому и в их адрес не выказано восхищение. Вся характеристика восточных народов прописана с учетом географического фактора, проведена прямая зависимость между ним и особенностями развития народов и государств Востока. Христианство на Востоке оказывается чем-то малозаметным, православный Восток никак не акцентирован, несмотря на его важность для внешней политики России и русского православного сознания. И весь «внешний» Восток оказывается чуждым и – временами – враждебным пространством.

⁵⁶ Восток // Большая энциклопедия: В 20 т. + 3 доп.т. / Под ред. С. Н. Южакова и др. Т. V. СПб., 1902. С. 531.

⁵⁷ Восточная филология // Там же. С. 536.

⁵⁸ Восточный вопрос // Там же. С. 537.

При внимательном исследовании текстов издания становится ясно, что в нем усиливают европоцентризм идеи немецкого геополитика Ф. Ратцеля и эволюционная теория: проводится мысль о неизбежном уничтожении или поглощении первобытных неконкурентоспособных «восточных» обществ более развитыми западными цивилизациями как необходимым факте исторического пути человечества.

Многообразен **«Восток»** в **«Детской энциклопедии» (1913-1914)**, изданной И. Д. Сытиным. Наиболее подробно рассказана история государств Древнего Востока, который представлен грандиозным, великолепным и жестоким. Современный Восток является экзотическим в той мере, в какой он еще не приобщился к западной цивилизации (наиболее «ориентальная» из восточных стран – Индия). Экзотические элементы, связанные с Америкой, Австралией и Океанией, принадлежат уже почти исключительно прошлому этих земель, их настоящее – западный прогрессивный путь развития. Тема Востока нередко раскрывается через сюжеты открытия восточных земель европейцами и тему перехода восточных государств на западный путь развития, история и культура этих стран до контактов с Европой почти не освещена. Таким образом, Восток неизменно второстепенен по сравнению с Западом, лишен самостоятельной ценности как предмет рассказа, национальные особенности его населения и объекты восточной культуры представлены, в основном, в формате иллюстраций. Тема восточных владений России раскрыта через кавказские и среднеазиатские сюжеты, при этом акцентировано внимание на цивилизаторской миссии России, ее успехах или, наоборот, недостаточности предпринимаемых мер, особое внимание уделено тому, что эти территории могут дать России (хлопок, фрукты, продукты традиционных ремесел). Совершенно не рассмотрены темы русского Дальнего Востока и Сибири, т. е. большая часть «восточных» владений России никак не представлена.

«Детская энциклопедия» И. Д. Сытина была издана по образцу одноименной английской энциклопедии Артура Ми, и потому не была избавлена от части английского образа мира, что особенно интересно, учитывая то, что Англия являлась на международной арене главной соперницей России и была ее давним врагом на Востоке. При этом в ходе переработки издание приобрело предельно светский характер. О политике России как православной державы на Ближнем Востоке рассказано предельно лаконично, основные идеологические моменты, связанные с этой политикой, полностью отсутствуют, а отдельные заявления им прямо противоречат. И – отчасти самостоятельный, отчасти следующий за английским оригиналом – текст «Детской энциклопедии» оказывается крайне европоцентричным.

В целом, даже в энциклопедических изданиях, претендующих на строгую научность, нередко встречаются такие описания внешности, характера и особенностей быта отдельных восточных народов, которые перекликаются с идеологическими обоснованиями восточной политики как России, так и западноевропейских держав (последнее отчасти является следствием переводного характера многих энциклопедических статей). Следуя европоцентристской традиции, «азиатское» и «восточное» описывается в терминах отсталости, неподвижности, некультурности, нечистоплотности, дикости, жестокости, варварства и неразвитости, хотя при этом могут быть отмечены «добродетели малокультурных народов» и образы отдельных этносов оказываются близки к «идиллической первобытности», а в оценке того или иного народа важную роль играет степень его восприимчивости к европейской культуре.

Анализ характеристик «восточных» народов Российской империи свидетельствует об их идеологическом «освоении»: их описания отражают потребности российской политики, особенности включения инородцев в состав русского общества и степень их приобщения к европейской культуре. Происходила репрезентация включенных в состав империи «восточных» народов не только русским людям, но и образованной части самих инородцев, – например, туркмены должны были знать, что их воинственность не является их исконной природой – в действительности они добродушные и мягкие по характеру.

Для уточнения нижней «социальной границы» ориентализации Ближнего Востока, представленного для основной массы русского народа, главным образом, Востоком христианским необходим **обзор основных черт христианского Востока в русских изданиях для народа в конце XIX – начале XX вв.**

В конце XIX – начале XX вв. происходит резкое увеличение количества «народных» изданий, напрямую посвященных христианскому Востоку, он становится реальным, а представление о нем из сферы легенды переходит в сферу, близкую к туристической. Этот процесс можно проследить и на примере визуального ряда: как на уровне изменения основной массы изображений от условного рисунка через гравюру к фотографии, что способствовало максимальному приближению образа к реально существовавшей современной Палестине, так и на уровне объектов изображения. Большую роль сыграла деятельность Императорского Православного Палестинского Общества, которое являлось общественно-научной организацией, реализующей, в частности, научно-просветительские задачи. Научно-просветительское направление деятельности этого общества наложило свой отпечаток на образ Палестины в его изданиях.

В конце XIX – начале XX вв. Палестина остается в русском сознании Святой Землей, и среди всех ее мест выделяется Иерусалим (в котором центром является Храм Гроба Господня). Однако образ Храма Гроба Господня снижается до отсутствия заботы «об опрятности и порядке», а сама Палестина из расположенной где-то невероятно далеко чуть ли не райской страны превращается в «незначительную» территорию⁵⁹, до которой добраться «легче и дешевле, чем прежде, бывало, в Питер»⁶⁰.

Образ христианского Востока утрачивает характеристики абстрактного и легендарного сакрального пространства, и в нем четче начинают проступать ближневосточные «ориентальные» черты. Нередки мысли о его «неподвижности», «запущенности» и «неряшливости», «пестроты» красок, а также об излишне экспансивном поведении «детей Востока». По большей части это Восток «библейский», и в нем можно увидеть образ араба-бедуина, «неиспорченного морально и не тронутого еще европейскою цивилизациею»⁶¹, живущего так же, как и «во времена Авраама»⁶². Ориентализм, наиболее часто проступающий в различных описаниях арабов, проявляется иначе в описании турок, «мусульманских изуверов», «басурман» и

⁵⁹ Чтения о Святой Земле для народных школ. СПб., 1912. С. 5-6, 13.

⁶⁰ [Хитрово В. Н.] К Животворящему Гробу Господню: Рассказ Старого паломника / ИППО. СПб., 1884. С. 10.

⁶¹ Дмитриевский А. А. Типы современных русских паломников в Святую Землю / ИППО. СПб., 1905. С. 35.

⁶² Хитрово В. Н. Неделя в Палестине: Из путевых воспоминаний В. Н. Хитрово / ИППО. СПб., 1912. С. 10.

«нехристей», которых «надо бить» не только в Константинополе, но и в Палестине, – происходит создание образа врага, однако лишь в нескольких изданиях⁶³. И, наконец, в «народных» изданиях можно увидеть исключительно русский, характерный только для рассматриваемого периода, образ «единоверной Абиссинии», не укладывающийся в традиционные схемы европейского ориентализма⁶⁴.

Хотя основная масса изданий является нейтральным описанием святых мест Востока, в некоторых из них оказываются представлены политические и идеологические концепции. К православному Востоку относится Константинополь (лишь «временно» захваченный турками), однако государственная идеология Третьего Рима по отношению к Константинополю в «народных» изданиях не оформлена. Учитывая то, что при этом существует направленная в другую сторону четкая политическая линия в энциклопедиях И. Д. Сытина, связанная с либерализмом, западноевропейской картиной мира и научно-материалистическим изложением информации, можно сделать вывод, что на уровне базовой историко-культурной идеологии по отношению к Востоку в общественном сознании существуют значительные проблемы.

Третья глава «Русский интеллигент на Востоке в эпоху Серебряного века» состоит из шести разделов и представляет собой проведенное на широком материале научных, публицистических, литературно-художественных и других источников исследование путешествий на Восток русских интеллигентов в эпоху Серебряного века, влияния этих путешествий на образ Востока в их творчестве и отношении к нему, а также рассмотрение типов самих путешественников по восточным землям и их образа в общественном и художественном сознании Серебряного века, анализ взаимосвязи путешествий на Восток и общего «ориентального» контекста эпохи.

Для исследования было выбрано несколько ярких для своего времени фигур, оставивших значительное литературное наследие, связанное с путешествиями по Востоку: А. Белый, К. Д. Бальмонт, И. А. Гриневская, Н. С. Гумилев, А. К. Булатович, В. К. Арсеньев. Деятельность Белого, Бальмонта, Гриневской, Гумилева, Булатовича и Арсеньева на Востоке была многоплановой, и чаще всего они совмещают в себе разные типологические аттестации. Будем следовать той логике, которая отвечает специфике восточных путешествий русских интеллигентов Серебряного века. Так, самым привычным типом путешественника является турист, и типичным туристом может быть назван **Андрей Белый**, посетивший в 1910–1911 гг. Сицилию, Египет, Тунис и Палестину.

То, что поэт встречал на Востоке во время своего путешествия, он воспринимал через уже готовые культурные стереотипы и придавал всему мистический оттенок, связанный с философско-эзотерическими воззрениями, которые господствовали в его кругу. Причисляя свою страну к Востоку, категорически отказываясь именовать себя европейцем и порой называя Восток своей родиной, Андрей Белый тем не менее воспринимал Восток через призму европейской культуры, а романтически-идеализированное восприятие Белым арабов и его восхищение восточной экзотикой

⁶³ См., напр.: [Хитрово В. Н.] К Животворящему Гробу Господню.

⁶⁴ См., напр.: [Груздев Ф. С.] В стране черных христиан: (Очерки Абиссинии) / [Соч.] Ф. Волгина [псевд.]. СПб., 1895; Наши черные единоверцы, их страна, государственный строй и входящие в состав государства племена. СПб., 1900.

были связаны с внешними проявлениями Востока, и поэт не углублялся в восточные реалии, не стремился понять их. Недаром во время путешествия Белый читал европейскую литературу о Востоке, он вообще был человеком европейски образованным, и эта образованность говорила в нем вопреки его гневным высказываниям в адрес Европы и «европейства». Особенностью восприятия Востока А. Белым является его разделение на «Африку» и «Азию». Олицетворение Африки – арабы, олицетворение Азии – монголы, а между теми и другими – Россия, родственная Африке и предчувствующая монгольскую угрозу, Россия, принявшая часть Востока вместе с православием от Византии.

Огромное влияние на поэта оказало посещение Египта (впоследствии египетские впечатления отзовутся в романе «Петербург»). В восприятии Белым Египта соединились мистические ожидания встречи с пирамидами и Сфинксом, ощущение «схваченности роком» и чувство «гробничной духоты», бытовые неурядицы и огромный культурный пласт, связанный как с Египтом, так и с философскими и теософскими исканиями Серебряного века (а в мемуарах поэт будет описывать путешествие в Египет, стремясь соответствовать уже не мировосприятию символистов и близких к ним теософских кружков, а советской идеологии).

Другой поэт-символист – **Константин Дмитриевич Бальмонт**, который до 1914 г. успел совершить путешествия в Мексику (1906 г.) и Египет (1909-1910 гг.), а также «кругосветное плавание» (1913 г.). К своим поездкам Бальмонт специально готовился, во время путешествий коллекционировал предметы этнографии и фольклора, выступая, таким образом, не только как турист, но и как ученый-любитель.

На Востоке Бальмонт ищет свои духовные корни. Например, в Древнем Египте этот поиск поэт осуществляет через нахождение переключек между древнеегипетской и христианской религиями, через установление связи между Древним Египтом и современной христианской цивилизацией. Установление такой связи между христианством и мусульманством оказалось для него невозможным, и арабы, как народ чуждый, подверглись его осуждению (этому способствовало и влияние западных авторов, которых Бальмонт читал и активно усваивал).

С началом периода восточных путешествий поэтический Восток Бальмонта стал ярче и разнообразнее. Произошел переход от депрессивных «буддийских мотивов» печали и смерти к жизнерадостным интонациям и восточно-романтическому стилю. Восток поэта воплощен в образах «чарующего» Востока (связан с древними цивилизациями), идиллической первобытности и отталкивающих поэта современных ему восточных реалий (описание которых обычно дано как контрастное к образу их легендарного прошлого). Это Иное, которое он часто описывал через сравнения с явлениями европейской культуры, помогало Бальмонту увидеть себя европейцем и христианином, увидеть свою культуру и ее место в мире. Бальмонт искал свои корни в явлениях древних восточных цивилизаций, стремился понять, почувствовать дух древнего Востока, найти в нем нечто близкое, то, из чего произрастали современные ему явления русской культуры, русского сознания. Поэт был способен чувствовать близость России и Востока и в том случае, когда этот Восток ему не нравился. Интересно, что «европейскость» Бальмонта двойственна: с одной стороны, европейская колонизация вызывала у него негодование и грусть об утраченном, а с другой – по отношению к арабскому Востоку – он видел себя европейцем, чье представление о величии воплощено в идее Рима.

Романтизация Востока и его противопоставление Западу, присущие Белому и Бальмонту, красной нитью проходят через творчество **Изабеллы Аркадьевны Гриневской**⁶⁵, которая совершила путешествие на Восток к бехаидам⁶⁶ в 1910-1911 гг. и посвятила этой поездке очерки «Путешествие в Края Солнца»⁶⁷, где выделяются идеализация и романтизация бехаидов.

И. А. Гриневская представляет собой интересный тип пишущей туристки, которая в своем путешествии выступает еще и в роли паломницы бехаи. Туристический настрой преобладает над паломническим, а стремление к религиозно-философским рассуждениям – над религиозными настроениями, и сам выбор религии бехаидов вполне органичен для пространства культуры Серебряного века. В творчестве Гриневской можно наблюдать ориентализм в самом различном понимании этого термина. Во-первых, это увлечение Востоком и его романтизация, причем предметом для увлечения является «классический» персидский Восток. Однако писательницу привлекают не картины «Тысяча и одной ночи», а молодое религиозно-общественное движение, которое проповедует объединение религий и единение человечества. Более того, Гриневская в тексте своих очерков борется с ложными представлениями о Востоке, возникшими на основании классических ориенталистских картин и описаний. Такой поворот отношения к Персии необычайно интересен и представляет собой своеобразное развитие линии классического ориентализма в соответствии с общими духовными поисками Серебряного века.

Размышляя о возможности взаимопонимания между Западом и Востоком, Гриневская вплотную подходит к проблеме ориентализма в трактовке Э. В. Саида. Однако она оказывается настолько непоследовательна в этом вопросе, что из ее писаний нельзя сделать однозначный вывод о том, могут ли европейцы посмотреть на Восток аутентичными Востоку глазами. Примечательно, что сама Гриневская стремится обособиться от Европы, стыдясь ее и своих «западных» манер, стремится влиться в «восточную» среду, понять ее, стать в ней своей, что отчасти ей удается через принятие религии бехаидов. Культурное поведение И. А. Гриневской идет вразрез с традиционной самопрезентацией России на Востоке как оплота православия и защитницы его от притеснений со стороны мусульман. Писательница путешествует по Востоку в качестве сторонницы религиозно-общественного движения, родившегося внутри ислама, симпатизируя религии, культуре и образу жизни мусульман. Но Европа говорит в ее очерках через культуру, образование, шаблонные определения и, наконец, сравнение себя с Ливингстоном при обнаружении шалашей бедуинов.

Для типологической аттестации деятельности на Востоке **Николая Степановича Гумилева** необходим анализ всей его культурной деятельности. Основная

⁶⁵ Гриневская Изабелла Аркадьевна (1864 – 1944) – драматург, прозаик, поэтесса, переводчица, критик. Печатала переводы, стихи, пьесы, рассказы, статьи, выпустила ряд книг, ее одноактные пьесы ставились на столичных и провинциальных сценах. Играла на сцене под псевдонимом Тамарина, преподавала сценическое искусство и декламацию.

⁶⁶ Учение вначале называлось бабизм (по имени его основателя Баба) и представляло собой реформированный ислам, а впоследствии – под влиянием учения последователя Баба Баха-Уллы – превратилось в порвавший с исламом бехаизм, в котором было провозглашено единство истоков всех религий и единство человечества. Современное название религии – Вера Бахаи (ее последователи – бахайцы или бахаисты).

⁶⁷ РО ИРЛИ РАН. Ф. 55 (Гриневская И. А.). Оп. 1. Ед. хр. 10. *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца. (О виденном, слышанном и испытанном).

линия поведения Н. С. Гумилева связана с типом героя, «конквистадора». Путешествия в Африку (1908, 1909-1910, 1910-1911, 1913 гг.) стали для Гумилева важным источником ярких эмоциональных переживаний и новых мотивов в творчестве. Помимо этого, они создавали особый романтический ореол, который был необходим поэту, выстраивающему образ героя. Больше всего Гумилева привлекала Эфиопия. В 1913 г., став начальником академической экспедиции, поэт оказался в одном ряду с теми, кто занимался исследованием Востока профессионально.

Африка появилась уже в самых ранних литературных произведениях Гумилева, ее образ – таинственный, привлекательный и опасный – являлся романтической декорацией, выстраивался в восточно-романтическом стиле, во многом унаследованном от французов (сам мотив «конквистадора» Гумилева в Африке не был типичен для русского сознания, это мотив западной литературы). Африка – пространство, связанное с экзотикой, романтикой, эротикой и язычеством, – являлась частью размытого экзотического «Востока». И в ее образе не было даже намек на Абиссинию, которая появилась лишь с началом периода африканских путешествий, вместе с приметамы места и времени, причем представление о ней постепенно все чаще стало ассоциироваться с христианскими образами.

До Гумилева в тех же абиссинских землях побывал русский офицер **Александр Ксаверьевич Булатович**, выполнявший в Эфиопии дипломатические и разведывательные задачи и ставший доверенным лицом негуса Менелика II. Булатович совершил четыре путешествия в Абиссинию, где прославился своей храбростью и выносливостью, пересек из конца в конец Каффу, нанес на карту значительную часть речной системы юго-запада Абиссинского нагорья и открыл новый горный хребет. Современникам были известны его книги о путешествиях по Африке (и косвенные подтверждения знакомства Гумилева с произведениями Булатовича можно увидеть в его стихах и письмах). В начале XX в. Булатович принял монашество, а впоследствии стал лидером имяславия, которое, войдя в культурное пространство Серебряного века, сильно повлияло на русскую религиозную философию.

Эфиопия в пространстве путешествий Гумилева и Булатовича связана с Константинополем, Иерусалимом и Афоном. В этом пространстве она – страна православного Востока, особенная страна древнего христианства, близкая Византии, страна, где русские люди являются «своими». В контексте духовных исканий Серебряного века путешествия в Эфиопию приобретают особенный смысл. Отношение к ней как Гумилева и Булатовича, так и в целом русского общества конца XIX – начала XX вв., не вписывается в схему классического ориентализма. В позиционировании Булатовича и Гумилева преобладает героическое начало. Сюжетной основой их литературных произведений, подкрепляющей образ героя, становятся приключения. Однако Эфиопия – страна, подходящая для поиска приключений, – дает не только «африканский ореол», славу путешественника и героя, новые мотивы в творчестве, но и укрепление на духовном пути как пути православного человека и интерес к истории Церкви. В творчестве Гумилева в образе «конквистадора» все четче стал проступать мотив «духовного странничества», особой духовной миссией героя, и конквистадор превращается в крестоносца⁶⁸. На православной почве Булатович и Гумилев снова пересекаются в культурном пространстве. Причина пересечения – имяславие, не оставшееся без внимания поэтов-

⁶⁸ *Зобнин Ю. В.* Н. Гумилев – поэт Православия. С. 107-109; *Зобнин Ю. В.* Странник духа. С. 12.

акмеистов (О. Э. Мандельштама, В. И. Нарбута)⁶⁹ и русского религиозного философа П. А. Флоренского.

Одновременно в Серебряном веке появился новый тип строителя империи на Востоке, чуждый присущего Гумилеву и Булатовичу оптимизма, – тип, который олицетворял **Владимир Клавдиевич Арсеньев**. В центре научно-художественных произведений В. К. Арсеньева, создавшего яркий образ Дерсу Узала, оказывается русский Дальний Восток, который почти не описывали деятели культуры Серебряного века. В своих книгах «По Уссурийскому Краю» и «Дерсу Узала» Арсеньев привлекал внимание читателя к Дальнему Востоку как к Востоку русскому, внутреннему для России, раскрывая его через популярную в культуре Серебряного века тему первобытности. Здесь он оказался в контексте идей своего времени, но, в отличие от существующей традиции, создал не столько идеальный, сколько трагический образ «первобытного человека», и фактически первым поставил проблему невозможности подлинного диалога между европейским миром и аборигенным миром русского Дальнего Востока в контексте противостояния тайги и цивилизации. На фоне темы этого противостояния проявился трагизм Арсеньева, его полное тревоги мироощущение, и именно оно и составляет незаметную для поверхностного взгляда глубокую связь с эпохой Серебряного века. И образ Дерсу Узала становится более полным выражением стиля мысли и духа Серебряного века, чем существующие в этот же период идиллические описания «счастливых дикарей», не выходящие за рамки литературной традиции, идущей от эпохи Просвещения. Дух «трагического империализма», пронизывающий петербургский Серебряный век, говорит и в книгах Арсеньева, делая его выразителем культуры своего времени и создавая образ последнего строителя старой империи на Востоке, профессионала, делающего свою работу с чувством безысходности автохтонного Дальнего Востока, причем понимающего и принимающего эту безысходность.

Фоном для всех рассмотренных интеллектуалов является тип **профессионального востоковеда** (академического ученого и путешественника), чьи литературные труды не относятся к области художественной литературы. Этот тип будет рассмотрен на двух примерах – предшественника Серебряного века **Николая Михайловича Пржевальского**, пик популярности которого пришелся, однако, как раз на данный период (образ Пржевальского развивался в течение Серебряного века, вплоть до Первой мировой войны), и **Сергея Федоровича Ольденбурга**, замыкающего собой эту эпоху.

Н. М. Пржевальский задает своей деятельностью в конце XIX в. яркий образ русского человека на Востоке как пронизанный пафосом и оптимизмом образ героя-богатыря, героя-победителя, победоносного конкистадора. Редкие упоминания о любви «азиатцев» к русскому «Белому Царю», встречающиеся в трудах Пржевальского не мешают утверждению в них колонизаторской линии в классических традициях западноевропейской имперской идеологии: здесь можно увидеть пример того, как элементы идеологического обоснования русской внешней политики органично включены в общую ориенталистскую западную концепцию колонизации

⁶⁹ *Мандельштам О. И* поныне на Афоне... // *Его же*. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1999. С. 113; *Нарбут В.* Письмо к М. Зенкевичу от 3 декабря 1916 г. // Владимир Нарбут. Михаил Зенкевич. Статьи. Рецензии. Письма. М., 2008. С. 256-257; *Лекманов О.* О чем могли (бы) поговорить Владимир Нарбут и Александр Булатович [Электронный ресурс] // Звезда. 2007. № 1. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/1/na14.html>.

Востока. А оптимистичный образ богатыря-Пржевальского в книгах для «народного чтения» представляет яркий контраст образу полного трагических мистических предчувствий русского интеллектуала Серебряного века, ищущего на Востоке особую духовность.

С. Ф. Ольденбург, в отличие от Пржевальского, – «кабинетный ученый», путешествия которого не стали весомым культурным явлением, гораздо заметнее оказалась публицистическая и общественная деятельность Ольденбурга, связанная с тематикой Востока. Деятельность Ольденбурга способствовала популяризации знания о буддизме и росту интереса к этой религии, что – одновременно с заявлениями о духовном превосходстве Востока над Западом – отвечало атмосфере Серебряного века с его духовными поисками и стремлением к мистицизму.

Таким образом, в результате исследования становится ясно, что не только А. Белый, К. Д. Бальмонт, Н. С. Гумилев, но и И. А. Гриневская, А. К. Булатович, В. К. Арсеньев, С. Ф. Ольденбург имеют непосредственное отношение к культурному пространству Серебряного века и их деятельность на Востоке может (а в случае историко-культурных исследований – должна) рассматриваться с учетом культуры данной эпохи. На основе анализа этой деятельности для русских интеллектуалов на Востоке в эпоху Серебряного века в обобщенном виде выстроена следующая типология: турист (в том числе турист, выступающий временами и как непрофессиональный ученый, а также тип туриста, близкий к типу паломника), герой (тип конкистадора и тип героя-крестоносца), последний строитель старой империи на Востоке, а также ученый-профессионал (без особого наследия в сфере художественной литературы).

Путешествуя по Востоку, интеллектуалы Серебряного века стремятся сродниться с ним, понять его. Белый, Бальмонт и Гриневская, отнесенные к обобщенному туристическому типу, часто превозносят Восток над Западом, для них характерны мысли о единении человечества и поиски на Востоке особой духовности, причем отличной от православия (в иной форме поиск духовности на Востоке проявляется и в поведении Булатовича, в наименьшей степени это присуще Гумилеву и Арсеньеву). И все это оказывается свойственно Ольденбургу, что подчеркивает его включенность в культурное пространство Серебряного века. Особенно четко границы этого культурного пространства оттеняют личность и высказывания о Востоке Пржевальского, на произведениях которого выросло поколение Серебряного века. А образ «славного русского богатыря» Пржевальского, созданный в книгах для «народного чтения», говорит о существовании в конце XIX – начале XX вв. разлома в русском сознании, проходящего между мировосприятием народа и мировосприятием интеллектуальной элиты: транслировавшийся народу образ путешественника по Азии резко расходился как с путешествовавшим в это время по Востоку самим русским интеллектуалом, так и с его отношением к Востоку и Азии.

В заключении сформулированы основные выводы исследования. Указано, что ориентализм как увлечение Востоком и описание восточной действительности в «ориентальном» ключе проникал во все слои российского общества, причем для русского сознания оказалось характерным стремление сродниться с Востоком (Азия остается воплощением дикости, грубости и варварства), понять его, найти в нем свои духовные корни. В этом было отличие России от колониальных западноевропейских держав. И основополагающей чертой ориентализма Серебряного века оказывается духовный компонент (буддийский, мусульманский, византийско-

православный мистицизм). Увлечение художественной элиты, главным образом, нехристианской мистикой, а также демифологизация и – отчасти – десакрализация православного Востока, происходившие на самом низовом («народном») уровне, свидетельствуют о назревшем к началу XX в. духовном кризисе в русском обществе.

Хотя в общественном и художественном сознании Серебряного века не существовало унифицированного отношения к «восточному», в качестве общих моментов можно отметить библейский характер жизни Ближнего Востока (и Эфиопии) и ориентальные романтизированные черты в образе араба. Если в рамках западноевропейской логики создается уничижительный образ абиссинцев, то в русском общественном и художественном сознании Серебряного века Абиссиния оказывается, наряду с Константинополем и Афоном, вовлечена в византийский компонент идеологического обоснования отношения к Востоку, во многом определивший отличие отношения России к Востоку от западноевропейского варианта. Интерес к Византии заметен у А. Белого, Н. С. Гумилева и А. К. Булатовича. Последний осуществляет «византийское» наиболее последовательно. Но идеологическое обоснование ближневосточной политики России не было полно и адекватно отражено в художественной культуре эпохи. Зато необычайно ярко проявилось взаимодействие политики, идеологии и художественных образов Серебряного века в отношении к Дальнему Востоку.

Концепция «ориентализма» Э. В. Саида вполне применима к характеристикам «Востока» и «Азии» в энциклопедических изданиях. «Ориенталистские» характеристики можно также увидеть и в «народной» литературе о святых местах Востока, где неоднократно проводятся мысли о неподвижности Востока, о варварстве и фанатизме турок-мусульман. Сообщениями о «своеобразии» экзотического Востока и «беззаботной» идиллической «первобытной» жизни населения ряда восточных земель пестрят страницы иллюстрированных журналов, однако Восток «1001 ночи» становится в общественном сознании в конце XIX – начале XX вв. явлением прошлого.

В России отрицается базовая для концепции Саида дихотомия «Запад-Восток», при этом не считается сомнительной взаимосвязь знания и власти в развитии науки о Востоке. Деятельность С. Ф. Ольденбурга и В. К. Арсеньева только подтверждает это положение. И положение о родстве с Востоком, совершенно чуждое европейской логике, также вполне соответствует российской восточной политике. Однако «Ориент» Серебряного века часто был настолько экзотичен и далек от границ России, до такой степени располагался вне российского политического влияния, что связанные с ним образы не могли послужить внешней политике. Попав под влияние популярных текстов западноевропейских приключенческих романов, русские художники и литераторы реально и мысленно путешествовали в земли, давно поделенные западными державами, а специфически русская «литература фронта» исчерпывалась сочинениями Н. М. Пржевальского. И западноевропейский вариант ориентализма практически не пересекается с магистральными явлениями ориентализма Серебряного века, связанными с положением о духовном родстве России и Востока. И в целом, результаты диссертационного исследования свидетельствуют о том, что в Российской империи конца XIX – начала XX вв. сосуществовало несколько стратегий отношения к Востоку, что отражало ее гетерогенность и особое геополитическое положение.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях (общий объем 5,85 п.л.):

I. Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Чач Е. А. Ориентальный контекст Серебряного века // Омский научный вестник. 2010. № 1 (85). (Общество. История. Современность). С. 59-62. 0,45 п. л.
2. Чач Е. А. Серебряный век как историко-культурная парадигма на примере творчества В. К. Арсеньева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 109–117. 0, 71 п. л.
3. Чач Е. А. Христианский Восток в изданиях для народа в России конца XIX – начала XX века: к постановке проблемы // Вестник Омского государственного университета. 2012. № 1. С. 129-135. 0,8 п. л.

II. Другие публикации:

4. Чач Е. А. Информативные возможности делопроизводственной и нормативной документации при изучении образов Востока в русском общественном сознании конца XIX – начала XX в. // Документ в контексте истории: материалы II Международной научной конференции. Омск, 2009. С. 74-76. 0,19 п. л.
5. Чач Е. А. «Имперское востоковедение» в России рубежа XIX-XX вв.: государственные и общественные инициативы // II Омские исторические чтения, посвященные памяти профессора кафедры всеобщей истории ОмГУ им. Ф. М. Достоевского Генриха Кутдусовича Садретдинова: Сб. воспоминаний и статей. Омск, 2009. С. 143-151. 0,67 п. л.
6. Чач Е. А. «По Уссурийскому Краю» и «Дерсу Узала» В. К. Арсеньева в контексте восприятия Востока в культурном пространстве Серебряного века // Идеалы. Ценности. Нормы: VI Международная научная конференция по востоковедению (Торчиновские чтения). 3-6 февраля 2010 г. / Сост. и отв. ред. С.В. Пахомов. СПб., 2010. С. 392-398. 0,38 п. л.
7. Чач Е. А. Египетские впечатления Константина Бальмонта и Андрея Белого (К вопросу об ориентализме в русской культуре Серебряного века) // История и культура: Исследования. Статьи. Публикации. Воспоминания. Вып. 8 (8) / под ред. Ю. К. Руденко и др. СПб., 2010. С. 112-135. 1,41 п. л.
8. Чач Е. А. Н. С. Гумилев и А. К. Булатович: путешествия в Эфиопию в контексте Серебряного века // Ориентализм/Оксидентализм: языки культур и языки их описания. М., 2012. С. 226-240. 1,24 п. л.